

«Господи, помоги мне сдать экзамен»: православные практики советских учащихся в 1940–1960-е годы

А. В. Апанасенко¹ ✉

¹Региональный открытый социальный институт
ул. Маяковского 85, г. Курск 305090, Российская Федерация

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Резюме

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью отражения в гуманитарной науке процесса функционирования и воспроизводства традиционной православной культуры в СССР, а также важностью адекватного научного осмысления духовного мира «советского человека».

Цель исследования – осмысление феномена массовой вовлеченности советских учащихся (школьников, студентов ссузов и вузов) в православные практики в 1940–1960-е годы.

Задачи: анализ степени распространения православных практик в среде советской молодежи в послевоенные десятилетия; изучение форм участия школьников и студентов в церковной жизни рассматриваемого периода; выявление степени устойчивости этих форм на фоне государственного противодействия развитию конфессиональной культуры.

Методология. В ходе работы автором использовались историко-аналитический, историко-генетический и историко-статистический методы, а также элементы микроисторического анализа.

Результаты. В работе показано, что степень приобщения советских учащихся к православным практикам в 1940–1960-е годы была существенно выше, чем это пыталась представить советская пропаганда. Церковные службы отнюдь не были уделом лишь старшего поколения, в послевоенные десятилетия они активно посещались детьми школьного возраста и студентами. В местах, где ощущался явный дефицит православных священнослужителей и храмов, молодежь вовлекалась в стихийные практики народного богопочитания.

Выводы. В ходе исследования делается вывод о том, что главными моментами передачи конфессиональных традиций детям и молодым людям в СССР были религиозные праздники, прежде всего Рождество, Крещение, Пасха. Религиозное измерение для части школьников имел и День знаний. Государственная политика оказывала существенное влияние на формы приобщения детей и молодежи к церковной жизни. Антирелигиозные действия властей снижали уровень присутствия учащихся в публичном церковном пространстве, однако не уничтожали интереса молодых людей к православной культуре. Большую роль в поддержании этого интереса играл полупатриархальный уклад, сохранявшийся в послевоенные десятилетия во многих советских семьях.

Ключевые слова: история СССР; послевоенный период; религиозная культура; православие; молодежь; конфессиональные практики.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 21-09-43066.

Для цитирования: Апанасенко А. В. «Господи, помоги мне сдать экзамен»: православные практики советских учащихся в 1940–1960-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 205–216. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-205-216>.

Поступила в редакцию 27.08.2021

Принята к публикации 24.09.2021

Опубликована 22.10.2021

"Lord, Help me to Pass the exam": Orthodox Practices of Soviet Pupils in the 1940s-1960s

Alexander V. Apanasenok¹ ✉

¹Regional Open Social Institute

85 Mayakovsky str., Kursk 305090, Russian Federation

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract

The relevance of the research topic is due to the need to reflect the process of functioning and reproduction of traditional legal culture in the USSR in the humanities, as well as the importance of an adequate academic understanding of the spiritual world of the "Soviet person".

The purpose of the paper is understanding the phenomenon of mass involvement of Soviet pupils (schoolchildren, students of colleges and universities) in Orthodox practices in the 1940s-1960s.

Objectives: analysis of the extent of the spread of Orthodox practices among Soviet youth in the post-war decades; studying the forms of participation of schoolchildren and students in the church life of the period under review; identification of the degree of stability of these forms in conditions of state opposition to the development of confessional culture.

Methods. The main methods that were used in the course of the research were historical-analytical, historical-genetic and historical-statistical methods, as well as elements of micro-historical analysis.

Results. The paper shows that the degree of familiarization of Soviet pupils with Orthodox practices in the 1940s-1960s was significantly higher than Soviet propaganda tried to imagine. Church services were attended not only by representatives of the older generation, in the post-war decades they were actively attended by school-age children and students. In places where there was a clear shortage of Orthodox priests and churches, young people were involved in spontaneous practices of a folk worship.

Conclusions. The paper concludes that the main moments of the transfer of confessional traditions to children and young people in the USSR were religious holidays, primarily Christmas, Epiphany, Easter. The Day of Knowledge also had a religious dimension for some schoolchildren. State policy had a significant impact on the forms of introducing children and young people to church life. The anti-religious actions of the authorities reduced the level of pupils' presence in the public church space, but did not destroy the interest of young people in Orthodox culture. An important role in maintaining this interest was played by the semi-patriarchal way of life that persisted in many Soviet families in the post-war decades.

Keywords: history of the USSR; post-war period; religious culture; Orthodoxy; youth; confessional practices.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: The research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43066.

For citation: Apanasenok A. V. "Lord, Help me to Pass the exam": Orthodox Practices of Soviet Pupils in the 1940s-1960s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(5): 205–216. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-205-216>.

Received 27.08.2021

Accepted 24.09.2021

Published 22.10.2021

Введение

СССР был атеистически ориентированным государством. Материализм и социализм, лежавшие в основе коммунистической идеологии, позволяли ее последовательным носителям рассматри-

вать религию лишь в качестве «пережитка». Теоретически реализация принципов социальной справедливости, рост материального благосостояния и уровня образования масс должны были лишить всякую религиозную культуру ее фундамен-

тальных основ (каковыми считались социальные антагонизмы, бедность и невежество). «Союз воинствующих безбожников», указывая на быстрое преобразование советского общества, обещал покончить с «религиозным дурманом» уже в 1930-е гг. [1, с. 5] После его краха последующие борцы с религией были менее радикальны, однако сам тезис об отмирании религиозного сознания под сомнение не ставился. «Подавляющее большинство советских людей навсегда порвало с религией», – можно прочесть в типичной брошюре «О преодолении религиозных предрассудков», изданной еще в 1951 г. и тогда же широко растиражированной [2, с. 18]. Здесь же представлены рассуждения об отсутствии у религии социальной базы, а следовательно, и возможностей влиять на новые поколения советских людей. В последующих изданиях такого рода вплоть до перестройки регулярно отмечалось торжество научного мировоззрения, церковная жизнь при этом обычно характеризовалась как удел «старух». Молодой человек из советской семьи в церкви – это нонсенс, исключение из правил, – эта мысль проводится едва ли не в каждом издании, посвященном научному атеизму. Однако оживление общественной жизни в конце 1980-х гг. и, особенно, события, связанные с празднованием тысячелетия Крещения Руси, показали, что советские идеологи порой преувеличивали, выдавая желаемое за действительное. В марте 1988 г. глава Совета по делам религии при Совете Министров СССР К. М. Харчев заявил, что в стране около 70% населения составляют верующие. При этом их численность не сокращается, а в православных храмах можно встретить отнюдь не только «бабок», но трудоспособное население и много молодых людей [3].

Если исходить из того, что высокопоставленный советский функционер озвучил данные, более-менее близкие к действительности, надо признать, что носителями религиозного сознания в той

или иной мере было более половины населения СССР и в предшествующие десятилетия. Любая традиция существует постольку, поскольку действуют механизмы ее ретрансляции из поколения в поколение. Каковы были эти механизмы в СССР? Каким образом конфессиональные традиции передавались от старших к младшим в условиях «развитого социализма»? В данной статье автор старается приблизиться к ответам на эти вопросы, анализируя факты приобщения к православным практикам советских учащихся (школьников, студентов ссузов и вузов) в послевоенные десятилетия.

Методология

С концептуально-методологической точки зрения важными для проведенного исследования стали положения теории модернизации. В частности, определенное значение имеет тезис о секулярном характере советской модернизации. Модернизация данного типа предопределяет проблему утверждения ценностей позднего модерна через отрицание комплекса традиционных (прежде всего конфессиональных) установок, а потому неизбежно порождает «культурный протест» в среде традиционалистски ориентированной части социума. Этот «культурный протест» выражается в том числе в стремлении старших поколений передать ранее устоявшиеся традиции (в том числе конфессиональные) новым поколениям. «Культурный протест» порождает «культурный конфликт» носителей старых и новых ценностей. Мировоззрение молодежи оказывается полем для столкновения этих ценностей, а школьная (студенческая) среда – ареной развития «культурного конфликта».

В ходе работы автором использовались историко-аналитический, историко-генетический и историко-статистический методы, а также элементы микроисторического анализа. Основой формирования источниковой базы выступила архивная работа в Государственном архиве Рос-

сийской Федерации и Государственном архиве Курской области, ориентированная на сбор информативных документов центрального аппарата Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР и его уполномоченных на местах.

Результаты и их обсуждение

В октябре 1948 г. из аппарата Совета по делам Русской православной церкви в Совет Министров поступил интересный рапорт относительно религиозных практик жителей Ленинграда. Одним из центральных сюжетов в нем стало своеобразное паломничество верующих на территорию кладбища «Введенские горы». Согласно рапорту, на одной из расположенных здесь старых, дореволюционных могил была установлена большая статуя Иисуса Христа черного цвета (прозванная в просторечии «Черный Спаситель»), некогда привезенная из Рима. Невзирая на иностранное происхождение скульптуры (а может, и не зная о нем), во время Великой Отечественной войны к ней стали приходить верующие с тем, чтобы помолиться и оставить записки с просьбами. В послевоенные годы это «паломничество» не прекратилось, а, напротив, увеличило масштабы. В обычные дни в любую погоду в течение часа к «Черному Спасителю») подходило по 60–70 верующих, в праздники здесь можно было увидеть 100–150 человек одновременно. В июне 1948 г. по указанию Мосгорисполкома территория вокруг скульптуры была заколочена досками, однако поток верующих от этого не уменьшился. Люди стали молиться около забора, оставляя надписи с просьбами на досках, а также прикалывая сюда свои записки. При этом более 600 человек подписали прошение Патриарху с просьбой поспособствовать «избавлению Спасителя из темницы» путем переноса скульптуры в местную Петропавловскую церковь [4, л. 13–14]. Покашло соответствующее разбирательство, уполномоченный Совета по делам рели-

гий выяснил, что моления происходят не только около данной статуи – объектами притяжения верующих стали и другие скульптурные изображения Христа, а также надмогильная часовня и иконы, расположенные рядом с могилами. Про иконы и часовню в донесении говорится, что они оказались не менее привлекательны для приходящих на кладбище, чем упомянутая скульптура [4, л. 14–15].

Пожалуй, расцвет религиозных практик в духе «народного православия» и массовое «паломничество» на старое кладбище жителей Ленинграда, испытывавшего в 1940-е гг. острый дефицит в священнослужителях и храмах, – вполне объяснимая вещь. Однако соответствующие документы указывают еще на один факт – большое количество молодых людей школьного и студенческого возраста, посещающих кладбище «Введенские горы» с религиозными целями (на это особо указывают составители рапорта в Совет Министров). А судя по приводимым текстам «обращений к Богу», учащаяся молодежь вообще преобладала среди таких посетителей. Из семи цитат, помещенных в рапорт в качестве примеров, шесть явно принадлежат молодым людям: «Господи, помоги мне сдать экзамен», «Господи, помоги мне перейти в 7 класс», «Господи, помоги мне перейти на 4 курс», «Господи, помоги мне сдать экзамен на хорошо и отлично, поступить в техникум», «Господи, помоги мне защитить диплом», «Господи, помоги моей маме выйти из тюрьмы» [4, л. 15].

Приведенный факт внушает мысль о массовом стремлении подростков и молодых людей из северной столицы к православному опыту в той или иной (в том числе и не вполне канонической) форме. Однако было ли такое стремление повсеместным? Если да, то как долго участие в православных практиках (официально-церковных или «народных») молодых людей оставалось распространённым явлением?

Изучение широкого круга документов Совета по делам Русской православной церкви дает возможность ответить на первый вопрос утвердительно. Уполномоченные этого органа практически из всех регионов страны в 1940-е гг. в своих отчетах и донесениях регулярно отмечали присутствие детей и молодежи на церковных службах, участие подростков в крестных ходах и импровизированных паломничествах. Например, уполномоченный по Свердловской области в 1945 г. отмечал факты массового крещения детей от 5 до 10 лет на фоне «оживления религиозных настроений молодежи» [5, л. 76]. О том же писал уполномоченный из Сталинградской области, указывая при этом на большие наплывы местных студентов в открытые храмы. В соответствующем документе цитируется рассказ учащейся Дубовского педагогического училища, поделившейся своими впечатлениями о церковной службе: «Вчера была у заутрени в церкви. Народу было очень много, даже и повернуться негде. Большинство присутствовавших – молодежь из нашего педучилища и других школ. Так там было хорошо, так хорошо пели» [5, л. 76].

Представитель Совета по Новосибирской области в 1940-е гг. указывал на систематическое посещение городской церкви студентами института военных инженеров и транспорта, а также мединститута, при этом приводя примеры крещения как студентов, так и демобилизованных военнослужащих [6, л. 76]. Уполномоченный по Полоцкой области Белорусской ССР также отмечал большую популярность церковных служб среди местных учащихся после войны. При этом, характеризуя православную жизнь в городе, он обращает внимание на стремление молодых людей как можно более активно участвовать в приходской жизни. «В церковном хоре, – читаем в донесении, – состоит почти исключительно молодежь и это участие... они считают большой заслугой» [6, л. 41].

Такого рода картину можно было наблюдать не только в традиционно «православных» регионах, но и в православных сообществах азиатских республик Советского Союза. О массовом участии детей и молодежи в церковных службах и таинствах в послевоенное время можно прочитать, например, в информационных справках по Киргизской и Казахской ССР. Здесь отмечается массовое крещение лиц от 5 до 25 лет, а также «наплыв» верующих всех возрастов, «далеко превышающий вместимость церковных зданий» [6, л. 42–43].

Был ли связан наплыв молодежи в православные храмы с общим церковным подъемом середины 1940-х гг.? Несомненно, и это постоянно отмечают советские функционеры. «В этот период, – писал один из уполномоченных Совета по делам РПЦ, – обстановка исключительно благоприятствовала церковникам для широкого распространения своего влияния среди населения. Еще не прошло впечатление от участия церкви в патриотической работе в период войны. Культурно-просветительская работа не была надлежащим образом развернута» [7, л. 63–64].

Однако донесения тех же функционеров свидетельствуют, что молодые люди не перестали участвовать в православных обрядах и в 1950-е гг. Например, в обзорах инспекторов Совета, составленных по итогам анализа отчетов местных уполномоченных за 1952 г., по-прежнему можно встретить констатацию значительной посещаемости православных церквей детьми школьного возраста и молодежью 17–20 лет. «Большая посещаемость церквей детьми, – читаем в сюжете про Северный Урал, – наблюдается, главным образом, в дни больших церковных праздников, совпадающих с каникулярным периодом школьников. Так, например, 14 августа так называемый “Первый спас” и дети в этот день составляют не менее половины числа посетителей. На Пасху тоже бывает много детей в

церкви» [8, л. 33]. Курский уполномоченный Совета по делам РПЦ в 1951 г. писал о своих консультациях с колхозными руководителями, которые жаловались ему на то, что «ребят школьного возраста матери просто гонят в церковь». При этом убежденным коммунистам, отстаивающим основы материалистического мировоззрения, не помогают ни разговоры с родителями, ни убеждение детей: «когда с молодыми людьми пытаются разговаривать, то эта молодежь ссылается на Конституцию» [9, л. 57].

В источниках отражено немало фактов, свидетельствующих об участии детей и молодежи в народных паломничествах к тем или иным конфессионально значимым объектам. Например, на протяжении 1950-х гг. регулярно фиксировалось массовое присутствие представителей подрастающего поколения в стихийных крестных ходах к закрытой Курской Коренной пустыни. Ребята постарше год из года шли к месту легендарного обретения Коренной иконы «Знамение» сами, а те, кто помладше – с матерями и бабушками [10, л. 31; 11, л. 150]. Это действие зачастую рассматривалось молодыми людьми как праздник: наблюдатели отмечали присутствие большого количества девушек в венках, наряжавших лучшие платья и носивших цветы [12, л. 110].

Праздники – официально-церковные или народно-православные – стали в советское время главными моментами ретрансляции конфессиональных традиций. Регулярное участие в православных действиях в условиях советской действительности, несомненно, было проблематично для подавляющего большинства семей. Поэтому наплывы школьников или студентов в церкви можно было наблюдать на Рождество, Крещение, Пасху, Троицу и т. д. Например, курский уполномоченный Совета по делам РПЦ в 1955 г. насчитал на пасхальных службах в девяти действовавших на тот момент городских церквях около двадцати тысяч чело-

век и при этом отметил, что существенную часть из них составили молодые люди. Поскольку только в одной маленькой Успенской церкви (сильно уступавшей размерами кафедральному собору и некоторым другим курским храмам) оказалось более двухсот подростков 12–16 лет (многие из которых стояли на службе с горящими свечами) [10, л. 29], можно предположить, что общее количество лиц школьного и студенческого возраста на пасхальных богослужениях в тот момент доходило до двух-трех тысяч – немало для небольшого провинциального города середины XX в., недавно преодолевшего стотысячный рубеж.

В 1950-е гг. эта картина повторялась из года в год, причем школьников в большом количестве можно было видеть и накануне Пасхи, во время освящения куличей. Тот же чиновник в 1956 г. констатировал, что практически каждая пожилая женщина, приносящая кулич в церковь, ведет с собой ребенка дошкольного или школьного возраста, а многие приходят с двумя или тремя детьми, которые стоят рядом во время освящения. Тут же добавляется: «довольно много и подростков, которые приносят освящать пасхи самостоятельно» [10, л. 47]. Характеризуя ситуацию по стране в целом, известный советский лектор-атеист А. Валентинов в 1960 г. с возмущением писал о том, что в некоторых православных церквях на Пасху подрастающее поколение играет чуть ли не ведущую роль: по 100–150 детей, одетых в специальные костюмы, идут в голове крестного хода, неся иконы и посыпая дорожку цветами, а в специальные дни даже проводятся службы для детей [13, с. 30].

Аналогичную ситуацию можно было видеть в советских городах середины XX в. (не говоря уже о сельской местности) на Рождество и Крещение. Представители государства, призванные наблюдать за религиозной активностью граждан, регулярно отмечали высокую степень вовлеченности в праздничные риту-

альные действия советских учащихся, десятками, а то и сотнями приходивших в действующие церкви [14, л. 6–7; 15, л. 44–45].

Как ни странно, еще одним праздником, в послевоенные десятилетия регулярно выступавшим поводом для похода в православный храм для многих школьников, оказался День знаний – 1 сентября. В середине XX в. во многих семьях сохранялась дореволюционная традиция отправлять детей на богослужение накануне очередного учебного года «испросить ума» у Бога. Например, в последние дни августа 1954 г. уже упоминавшийся курский уполномоченный Совета по делам РПЦ посетил пять из девяти действовавших в городе церквей, после чего вынужден был отметить присутствие на богослужениях «порядочного числа детей школьного возраста в школьной форме» [16, л. 78]. В письме, адресованном в курский горком, он указывает численность юных прихожан, найденных им в каждой из церквей. Из этих данных видно, что в течение периода с 29 по 31 августа в отдельно взятом храме одновременно можно было застать несколько десятков школьников [10, л. 29].

В последующие годы их количество увеличивалось, что заставило того же функционера написать секретарю местного обкома КПСС специальную служебную записку «О посещении школьниками церковных служб в г. Курске в канун первого учебного года». В записке констатируется, что определенная часть учащихся городских школ, училищ и техникумов отправились на праздничные линейки, накануне посетив православные богослужения и помолившись вместе со взрослыми о благополучии на школьной ниве. Вот характерные выдержки: «В Троицкой церкви... из общего числа участников (около 200) было 50 человек школьников, все они исповедовались и причастились... в Успенской церкви на

службе было еще больше – 400 человек, присутствовало около 60 детей... В Вознесенской церкви на службе было около 150 верующих. Из них 60 человек были детьми школьного возраста... Священник Вересин обращался к ним со словом, в котором призывал хорошо учиться в школе, слушаться родителей и учителей и не забывать бога, посещать храм. Член церковного совета Латышева сказала мне, что уже третий день ребята ходят в церковь и служат молебны» [16, л. 82]. В этом же документе говорится, что посещение учащимися церкви перед 1 сентября – распространенное явление. Ребята приходят в храмы, когда в них по традиции служат молебны пророку Науму, т. к. последний считается святым покровителем всех, стремящихся к образованию (что находит свое выражение и в распространенной поговорке «Наум – прибавит ум») [5, оп. 5, д. 13, л. 82].

1 сентября 1957 г. в курских церквях на богослужениях присутствовало 270 школьников. Конечно, эта цифра не выглядела огромной, однако сами же советские чиновники понимали, что она не отражает реальных масштабов вовлеченности учащихся в православные практики. Характеризуя проблему, местный уполномоченный писал о необходимости серьезно оценить явление, «поскольку и до этого в течение нескольких дней дети ходили в церковь и заказывали молебен, чтобы хорошо учиться, а в этот день в церкви пришли дети самых смелых родителей, которые не побоялись продемонстрировать, что их дети-школьники (часть даже в школьной форме) перед началом учебного года молились» [16, л. 146].

«Молодой» состав православных прихожан в советских городах отмечали и иностранцы. Влиятельное эмигрантское издание «Вестник русского христианского студенческого движения», внимательно следившее за состоянием церковной

жизни в СССР, в 1957 г. сообщало, что, согласно многочисленным отзывам побывавших в Советском Союзе, Русскую православную церковь от других церквей отличает стабильно большое количество молодых людей и детей на богослужениях. Это обстоятельство даже было отмечено в официальном заявлении финской делегации, тогда же посетившей нашу страну [17, с. 25].

Значительные масштабы вовлечения молодежи в православные практики подтверждаются и тем исключительным вниманием, которое им уделялось со стороны государственных и партийных структур. Практически во всех отчетах (донесениях, рапортах) местных уполномоченных о посещаемости церквей гражданами присутствуют описания того, сколько детей/молодых людей пришло на ту или иную службу, как они себя вели, причащались ли и т.п. Эта тема обсуждалась в горкомах, обкомах, в Совете Министров СССР. Значительная вовлеченность подрастающего поколения в церковную жизнь ставила под сомнение важный для КПСС постулат об отмирании религиозной культуры в советском обществе, а это, в свою очередь, подрывало доверие к советской идеологии в целом. Если с посещением церквей представителями старшего поколения можно было мириться, объясняя его свойственным пожилым людям консерватизмом или просто отсталостью, то участие в богослужениях октябрят, пионеров и комсомольцев означало провал советского атеистического воспитания. Не удивительно, что во время разгоревшейся в СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг. антирелигиозной кампании недопущение молодежи в храмы стало одним из приоритетов борцов с «пережитками».

Начиная с 1959 г. в советских городах регулярно организуется «общественный контроль» за посещением богослужений, на практике выразившийся в де-

журствах школьных учителей и преподавателей ссузов около православных церквей в воскресные и, особенно, праздничные дни [15, л. 51–52]. Очевидно, это далеко не всегда помогало, поэтому в ряде случаев особо «исполнительные» педагоги запугивали родителей, обещая лишить их права воспитывать собственных детей. На угрозы такого рода на рубеже 1950–1960-х гг. регулярно жаловались в Совет по делам РПЦ православные епископы с мест [18, с. 286]. По данным Д. В. Поспеловского, в начале 1960-х гг. в отдельных случаях у религиозных верующих родителей действительно отнимали детей под предлогом «фанатичного религиозного воспитания», отдавая в интернаты [18, с. 295]. В 1960 г. выходит официальный запрет привлекать лиц до 18 лет для прислуживания в храмах [19, л. 148], в это же время местные уполномоченные Совета начинают устно запрещать священнослужителям начинать службы, пока в церквях находятся дети [18, с. 295].

Добились ли государственно-партийные структуры нужного им эффекта? По-видимому, не сразу, при этом не слишком серьезного. Еще весной 1960 г. курский уполномоченный по итогам наблюдения за верующими на пасхальных службах отмечал, что «такой массы молодежи наблюдать раньше не приходилось» [15, л. 62]. В последующие годы наблюдатели фиксируют спад посещаемости православных храмов учащимися, а также минимизацию паломнических практик с участием детей [20].

Однако после отставки Н. С. Хрущева в 1964 г. и ослабления натиска на религию интерес части подрастающего поколения к православной культуре вновь становится очевиден. На пасхальных службах 1965 г. в отдельно взятых небольших городских церквях вновь можно было увидеть десятки школьников [21, л. 57–58], а к кафедральному Сергиево-Казанскому собору пришло более тысячи

молодых людей в возрасте от 17 до 25 лет. Многим из них удалось побывать на богослужении внутри собора. Разошлась основная масса молодых людей только к трем часам ночи [21, л. 55].

Сообщения о массовом участии детей школьного возраста стали приходить также из сельской местности. Например, советский чиновник, захавший на Пасху в небольшое село в Щигровском районе Курской области, обнаружил в местном молитвенном доме 21 школьника [21, л. 62]. Аналогичная ситуация имела место в старообрядческих молитвенных домах в 1965–1966 гг. [22, л. 34].

Очередное оживление религиозной жизни с активным участием молодых людей после окончания хрущевской антирелигиозной кампании можно было наблюдать и в столичных городах. Например, один из иностранных граждан (уроженец Парижа), обучавший в московской семинарии, а затем служивший в Ленинграде, так описывает конфессиональную жизнь в конце 1960-х – начале 1970-х гг.: «Я был поражен религиозным рвением окружающих меня людей. Хотя обычно считается, что приходят в церковь “бабушки”, я скоро обнаружил, что среди этих “бабушек” примерно 30% составляют молодые люди, не достигшие 25 лет... Молодые люди составляют 30–40% паствы на Акафистах... Обычное зрелище во входном вестибюле семинарии, на соседней улице и у главного входа – группы молодых людей, оживленно беседующих с семинаристами... Почти каждый день кто-нибудь подходил ко мне и задавал вопросы, касающиеся религии... Потом я временно служил в Троицком соборе в Ленинграде... Почти всегда часть паствы составляли молодые люди... особенно во время школьных экзаменов» [23, с. 207–208].

Каковы причины успешной ретрансляции конфессиональных традиций в значительной части советских семей в

1940–1960-е гг.? Почему заметное количество советских учащихся участвовало в этот период в православных практиках, пренебрегая возможными неблагоприятными последствиями? Факторов, определивших соответствующие культурные процессы, немало (и они требуют самостоятельного изучения), однако очевидно, что главенствующую роль здесь играли сохранявшиеся традиции религиозного воспитания в семье. Конечно, в середине XX в. в СССР уже шли модернизационные процессы, предопределявшие трансформацию среднестатистической семьи из большой («патриархальной», в которой представлено несколько поколений) в малую («современную», представленную родителями и детьми).

Однако в рассматриваемый период эта трансформация еще не стала критической: как справедливо подчеркивает американский историк А. Стоун, семьи чаще всего сохраняли «полупатриархальные очертания», а большинство советских детей и юношей проживало вместе или рядом с дедушками и (что особенно важно) бабушками [24, с. 297]. Последние, по многочисленным свидетельствам, чаще всего являлись инициаторами крестин и походов на богослужения и, по выражению одного из инспекторов Совета по делам РПЦ, «смирненно брали на себя ответственность» за приобщение детей к православной культуре [6, л. 42]. В большой традиционной семье существовало множество путей для передачи православных традиций. Кроме наставлений «бабушек» и эпизодически организуемых ими походов на богослужения в храмы, важную роль играла сама атмосфера, формы общения, быт. В таких семьях ребенок с раннего детства мог наблюдать крестики, «бабушкины» иконы, видеть почтительное отношение к ним со стороны старших. Какие-то элементы православного мировоззрения закреплялись (в том числе неосознанно) через использо-

мую старшими членами семьи лексику, нередко содержащую библейские выражения («хлеб насущный», «как зеницу ока», «волк в овечьей шкуре», «в плоть и кровь» и т.д.). На воздействие такого рода указывали советские функционеры, объяснявшие неудачи школьной атеистической пропаганды. «Влияние семьи, воспитание в семье, которое ведется не от случая к случаю и не по-книжному, а систематически и повседневно, часто незаметно во всех делах, действиях и поведении дома. Оно значительно еще и в религиозном отношении», – писал один из них в 1957 г. [15, л. 2]

Выводы

Рассмотрение источников 1940–1960-х гг. убеждает, что степень приобщения советских учащихся к православным практикам в данный период была существенно выше, чем это пыталась представить советская пропаганда. Церковные службы отнюдь не были уделом «старух», в послевоенные десятилетия они активно посещались детьми школьного возраста и студентами. В местах, где ощущался явный дефицит православных священнослужителей и храмов, молодежь оказывалась вовлекаема в различные формы «народного православия» (стихийные паломничества, поклонение Богу через скульптурные и иконографические изображения).

Главными моментами передачи конфессиональных традиций детям и молодым людям в СССР были религиозные

праздники, прежде всего Рождество, Крещение, Пасха. В соответствующие дни действующие храмы были неизменно переполнены верующими, среди которых заметную часть, как правило, составляли лица школьного возраста. Религиозное измерение для части школьников имел и День знаний, накануне которого многие молились пророку Науму ради успехов в учебе. Последнее обстоятельство было особенно неприятно для советских идеологов, т. к. 1 сентября в СССР было призвано символизировать прогресс и победу научного мировоззрения над «невежеством» и традициями «старого мира».

Несомненно, государственная политика оказывала существенное влияние на формы приобщения детей и молодежи к церковной жизни. Церковный ренессанс первых послевоенных лет привел к массовым крещениям не крещенных до этого школьников и притоку учащихся в храмы и иные конфессионально значимые места. Антирелигиозная компания конца 1950-х – начала 1960-х гг. снизила уровень их присутствия в публичном церковном пространстве, однако не убила интереса молодых людей к православной культуре: в середине 1960-х гг. он вновь выходит из латентного состояния и заставляет говорить о себе советских функционеров. Большую роль в поддержании этого интереса играет полупатриархальный уклад, сохраняющийся в послевоенные десятилетия во многих советских семьях.

Список литературы

1. Peris D. *Storming the heavens: The Soviet League of the Militant Godless*. Cornell University Press, 1998. 237 p.
2. Худяков С. Н. О преодолении религиозных предрассудков. Кишинев: Гос. изд-во Молдавии, 1951. 32 с.
3. Религия и перестройка // Русская мысль. 1988. 22 мая.
4. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 291.

5. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 30.
6. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 63.
7. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-5027. Оп. 2. Д. 8.
8. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 970.
9. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 3.
10. ГАКО. Ф. Р-5207. Оп. 5. Д. 10.
11. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 2. Д. 16.
12. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 12.
13. Валентинов А. Религия и церковь в СССР. М.: [Б. и.], 1960. 64 с.
14. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 18.
15. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 22.
16. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 13.
17. Струве Н. Религиозная жизнь в Советской России // Вестник русского христианского студенческого движения. 1957. № 4 (47). С. 23–33.
18. Поспеловский Д. В. Русская Православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
19. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 948.
20. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 68.
21. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 67.
22. ГАКО. Ф. Р-5200. Оп. 1. Д. 74.
23. Иеромонах Никон. Впечатления очевидца // Вестник русского студенческого христианского движения. 1980. № 3-4 (132). С. 206–209.
24. Stone A. “Overcoming Peasant Backwardness”: The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union // Russian Review. 2008. Vol. 67, no. 2. P. 296–320.

References

1. Peris D. Storming the heavens: The Soviet League of the Militant Godless. Cornell University Press, 1998. 237 p.
2. Hudyakov S. N. O preodolenii religioznyh predrassudkov [About overcoming religious prejudices]. Kishinev, Gos. izd-vo Moldavii, 1951. 32 p.
3. Religiya i perestrojka [Religion and Perestroika]. *Russkaya mysl' = Russian Thought*, 1988, May 22.
4. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 6991, op. 1, d. 291.
5. GARF, f. 6991, op. 1, d. 30.
6. GARF, f. 6991, op. 1, d. 63.
7. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-5027, op. 2, d. 8.
8. GARF, f. 6991, op. 1, d. 970.
9. GAKO, f. R-5027, op. 5, d. 3.
10. GAKO, f. R-5207, op. 5, d. 10.
11. GAKO, f. R-5027, op. 2, d. 16.
12. GAKO, f. R-5027, op. 5, d. 12.
13. Valentinov A. Religiya i cerkov' v SSSR [Religion and the Church in the USSR]. Moscow, 1960. 64 p.
14. GAKO, f. R-5027, op. 5, d. 18.

15. GAKO, f. R-5027, op. 5, d. 22.
16. GAKO, f. R-5027, op. 5, d. 13.
17. Struve N. Religioznaya zhizn' v Sovetskoj Rossii [Religious Life in Soviet Russia]. *Vestnik russkogo hristianskogo studencheskogo dvizheniya = Bulletin of the Russian Christian Student Movement*, 1957, no. 4 (47), pp. 23–33.
18. Pospelovskij D. V. Russkaya Pravoslavnaya cerkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 511 p.
19. GARF, f. 6991, op. 1, d. 948.
20. GAKO, f. R-5027, op. 5, d. 68.
21. GAKO, f. R-5027, op. 5, d. 67.
22. GAKO, f. R-5200, op. 1, d. 74.
23. Ieromonah Nikon. Vпечатleniya ochevidca [Eyewitness impressions]. *Vestnik russkogo studencheskogo hristianskogo dvizheniya = Bulletin of the Russian Student Christian Movement*, 1980, no. 3-4 (132), pp. 206–209.
24. Stone A. “Overcoming Peasant Backwardness”: The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union. *Russian Review*, 2008, vol. 67, no. 2, pp. 296–320.

Информация об авторе / Information about the Author

Апанасенок Александр Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, проректор по науке и международным связям, Региональный открытый социальный институт, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Alexander V. Apanasenok, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector on Research and International Relations, Regional Open Social Institute, Kursk, Russian Federation,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730